Элина Ворон

АРХИВ ТИШИНЫ

Дело № 17/04

Элина Ворон

Архив тишины

«Автор»
2026

Ворон Э.

Архив тишины / Э. Ворон — «Автор», 2026

«Архив тишины. Дело 17/04» — история, в которой страшнее всего не то, что произошло, а то, что кто-то очень старался не оставить об этом никаких следов.17 октября 2019 года Анна Белова исчезла. Не было ни тела, ни очевидного преступления, ни ответа на главный вопрос: что случилось в тот вечер?Спустя годы детектив Сара Кин начинает разбирать старое дело и обнаруживает, что документы противоречат друг другу, свидетельства исчезают, даты не совпадают, а некоторые страницы словно никогда не существовали. Чем глубже она погружается в архив, тем тревожнее становится одна мысль: возможно, кто-то пытался стереть не только следы исчезновения Анны, но и саму правду о ней.Это не просто детектив о пропавшей женщине. Это мрачная история о памяти, страхе, человеческом молчании и тайнах, которые могут пережить даже тех, кто их хранил.**Здесь каждая папка может оказаться уликой, каждая запись — ложью, а тишина — самым громким свидетельством.**

© Ворон Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Примечание автора 6
Пролог. Фотография 7
Глава 1. Последний вечер 8
Глава 2. Дом без хозяйки 9
Глава 3. Склад номер шесть 10
Глава 4. Последняя запись 11
Глава 5. Что скрывала Елена 12
Глава 6. Последний поезд 13
Глава 7. Человек, которого не было 14
Глава 8. Показания Елены 15
Глава 9. Склад номер шесть 16
Глава 10. Запись без звука 17
Глава 11. Слова на полях 18
Глава 12. Мэйвис 19
Глава 13. Эдвард Кроу 20
Глава 14. Кассета 21
Глава 15. Список семи 22
Глава 16. Письмо без адреса 23
Глава 17. Четвёртый сектор 24
Глава 18. Чужая память 25
Глава 19. Два имени 26
Глава 20. Дом на канале 27
Глава 21. Вода под бетоном 28
Глава 22. Последний допрос 29
Глава 23. Свидетельство 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Элина Ворон
Архив тишины

АРХИВ ТИШИНЫ
Дело № 17/04
Художественный роман в жанре true crime

Примечание автора

Это художественное произведение. Персонажи, события, документы и учреждения вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны. Документальная манера повествования является литературным приёмом.

Пролог. Фотография

Греймут, 4 ноября 2023 года.

Коробка пахла сыростью, старой бумагой и чем-то сладковатым запахом цветов, слишком долго простоявших в вазе. Джонатан Рид заметил запах ещё в коридоре архивного хранилища. Проверяя коробки, предназначенные для уничтожения, он обнаружил одну без номера. На крышке осталась прямоугольная полоса светлого картона — след снятой наклейки.

Внутри лежала папка с надписью: «БЕЛОВА АННА СЕРГЕЕВНА. 17.10.2019». Джонатан помнил это дело. Молодая женщина исчезла из дома, и через несколько недель местные газеты перестали о ней писать. В папке были фотографии кухни, коридора и спальни. Под последним снимком лежала маленькая фотография женщины в тёмном пальто. За её спиной — кирпичная стена и металлическая дверь. Джонатан сразу узнал Анну.

На обороте стояло: «Снято 28 октября 2019 года. Проверить источник после закрытия дела». Анна исчезла одиннадцать дней назад. В официальном перечне вещественных доказательств этой фотографии не было.

На стене рядом с женщиной висела табличка. Из-за плеча читались только последние буквы: «…Й ПОДВАЛ». Джонатан достал телефон, чтобы сфотографировать документы. Свет погас. Когда включилось аварийное освещение, коробки уже не было.

В тот же вечер он позвонил в полицию. На следующий день не вышел на работу. Через неделю его квартиру открыли запасным ключом: всё было на своих местах, кроме папки с семейными фотографиями. Джонатана не нашли.

Дело № 17/04 снова стало активным, хотя никто не подписывал распоряжения о его возобновлении.

Глава 1. Последний вечер

17 октября 2019 года дождь начался в половине шестого и к ночи превратил улицы Греймута в чёрные зеркала. Анна Белова вернулась домой в 18:12. Это время восстановили по камере магазина напротив: в стекле отразилась женщина с холщовой сумкой и светлым шарфом. В сумке лежали хлеб, молоко, две груши и конверт без обратного адреса.

Анна работала переводчицей и редко принимала гостей. В 19:05 она позвонила сестре Елене. Разговор длился сорок семь секунд. Анна спросила, сохранилась ли старая фотография матери. Елена хотела уточнить зачем, но связь оборвалась.

В 20:16 сосед снизу услышал два коротких удара. В 20:40 хлопнула дверь на лестнице. В 21:11 с телефона Анны отправили сообщение: «Не приходи. Я всё решила». Получателя не установили. Последний подтверждённый звонок поступил в 21:26 с предоплаченной SIM-карты, активированной за шесть дней до исчезновения.

Утром соседка обнаружила, что молочная бутылка у двери осталась нетронутой. В доме не было следов взлома. Окна были закрыты; кошелёк лежал в комоде, паспорт — в спальне, ключи — на крючке у двери. На кухонном столе стояла чашка с остывшим чаем и раскрытый конверт. Внутри был лист бумаги с одной строкой: «Если они спросят, скажи, что меня здесь не было».

Полицейский записал, что фраза могла быть частью личной переписки. Он не отметил, что чернила были свежими, а бумага пахла дымом. Лист не попал в перечень изъятых предметов.

Глава 2. Дом без хозяйки

Первым на место прибыл констебль Питер Шоу. В отчёте он описал дом как «чистый, без признаков борьбы». Эта формулировка стала основой версии о добровольном уходе. На полу в спальне, возле шкафа, виднелся тёмный полукруглый след. Эксперт предположил, что это вода, принесённая обувью. След сфотографировали, но образец не взяли.

В ящике комода нашли старый билет на поезд и квитанцию из мастерской, закрывшейся пять лет назад. Квитанция была выписана на имя «М. Вейл». Поиск по базе не дал результата, и имя исчезло из дальнейших сводок.

Сестра Анны, Елена, приехала к полудню. Она была старше на пять лет, работала медсестрой и говорила осторожно, словно каждое слово могло причинить вред.

— Она боялась кого-нибудь? — спросил Шоу.

— Анна боялась не людей, — ответила Елена. — Она боялась того, что люди могут помнить.

Полиция проверила банковские операции и транспортные камеры, но не назначила масштабный поиск. Через три дня карта Анны не использовалась. Через неделю её рабочий компьютер выключили удалённо с неизвестного устройства. Работодатель сообщил, что Анна не выходила на связь, хотя аренда была оплачена на два месяца вперёд.

Каждая деталь по отдельности казалась объяснимой. Вместе они должны были насторожить следствие. Но дело не складывалось в преступление. Оно складывалось в отсутствие человека. И отсутствие оказалось удобнее расследования.

Глава 3. Склад номер шесть

Елена не рассказала полиции всего, что знала. За четыре дня до исчезновения Анна приезжала к ней и долго рассматривала старую фотографию матери возле бетонной лестницы. На заднем плане стоял мужчина, чьё лицо кто-то исцарапал.

— Ты помнишь его? — спросила Анна.

Елена сказала, что нет. Это была ложь. Она помнила запах табака и связку ключей, звеневшую у него на поясе. После смерти матери сёстры договорились не обсуждать несколько лет семейной истории. Мать пыталась скрыться от человека, который называл себя её другом.

Через четыре дня после исчезновения Анны Елена получила конверт. Внутри лежал ключ без бирки и листок с адресом: «Склад 6, старая пристань». На обороте рукой Анны было написано: «Не ходи одна».

Елена поехала туда на следующий день. Склад был закрыт, окна заколочены. Она не стала обращаться в полицию. Она оставила ключ в почтовом ящике сестры и уехала, убеждая себя, что Анна скоро вернётся.

Четыре года спустя детектив-инспектор Сара Кин пересмотрела дело. Её насторожило, что разные документы обходили одни и те же темы: лист на кухонном столе, имя Вейла, звонок в 21:26 и след у шкафа. В оригинале одного из протоколов свидетель упоминал серый фургон у дома. В копии эта фраза исчезла.

Питер Шоу признался, что сообщил об этом сержанту Мэйвису, а тот велел перепечатать отчёт без «неподтверждённых предположений». Шоу согласился, потому что был новичком.

— Я думал, это не важно, — сказал он. — Теперь понимаю: мне нужно было записать то, что я видел.

Сара нашла склад номер шесть на старой пристани. Рабочие уже сняли часть пола, когда обнаружили кирпичную арку под бетонной плитой. За аркой была лестница, а на нижней ступени лежал ржавый ключ с буквой «В» на кольце.

Глава 4. Последняя запись

Подвал находился ниже уровня моря. Вода просачивалась сквозь кирпичи, воздух пах солью и железом. На двери висела табличка: «ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОДВАЛ». На внутренней стороне кто-то процарапал дату: 28.10.19.

За стеной обнаружили узкий проход, которого не было на современных планах. В небольшой нише лежал пустой металлический футляр. Внутри сохранился сухой прямоугольный участок размером с фотографию, словно там долго лежал предмет, защищавший поверхность от влаги. Под столом нашли кусочек пластика с цифрами «17/04».

Сара запросила старые журналы доступа. В ведомости к техническому помещению стояла подпись Эдварда Кроу, заместителя главы муниципального совета. В 1998 году он занимался юридическими вопросами, связанными с закрытием насосной станции. Мать Анны тогда пыталась сообщить о пропаже муниципальных документов, но её заявление закрыли без проверки.

Камера наблюдения, которую считали отключённой, сохранилась на старом резервном устройстве. Запись длилась семь минут и сорок две секунды. В кадр вошла Анна с папкой. Она разговаривала с мужчиной, лицо которого оставалось за пределами обзора.

— Ты обещал, что это будет последний раз, — сказала она.

— Последний раз был двадцать лет назад, — ответил мужчина.

— Тогда почему бумаги всё ещё у тебя?

Мужчина открыл дверь подвала, и они исчезли из кадра. Через три минуты Анна вернулась одна. Она посмотрела прямо в камеру и сказала:

— Если вы это нашли, значит, они снова всё спрятали.

Она оставила папку на полу и ушла. В конце записи появился сержант Мэйвис. Он поднял папку, посмотрел на камеру и выключил свет.

В отражении металлической панели двери была видна ещё одна фигура в коридоре. Лица не было видно, но на руке блестели часы с широким металлическим браслетом. Такие часы Кроу носил на публичных фотографиях.

Сара не стала считать это доказательством убийства. Но теперь у расследования были место, запись и человек, который лгал о своих перемещениях.

Глава 5. Что скрывала Елена

Елена призналась, что мать когда-то сохранила копии документов о вывозе архивных материалов из муниципального подвала. Она хотела передать их журналисту, но вскоре её обвинили в краже бумаг. Дело не дошло до суда; семья переехала, а матери пришлось сменить фамилию. Анна считала, что в старых ведомостях есть доказательство невиновности матери и след к человеку, который годами заставлял её молчать.

В семейном альбоме нашлась фотография матери рядом с Кроу и Мартином Вейлом. На обороте было написано: «Камера 3. Оригинал у М.В.» Мартин Вейл умер в 2016 году, но его мастерская продолжала получать платежи от муниципального управления ещё почти год после смерти. Сержант Мэйвис помог вывезти из мастерской часть документов.

Кин вызвала Кроу на беседу. Он отрицал, что встречался с Анной после её исчезновения, и называл расследование «старой бюрократической ошибкой». Но два сотрудника муниципального управления подтвердили, что 28 октября он покинул офис около полудня и вернулся после четырёх. В тот же день камера зафиксировала Анну у подвала.

В конце концов Мэйвис признался, что изменил протоколы. Он утверждал, что пытался защитить Анну от скандала и не думал, что дело связано с преступлением. Он забрал папку из подвала и передал её неизвестному человеку.

— Вы помогли скрыть следы, — сказала Кин.

— Я помог скрыть документы.

— Иногда это одно и то же.

Перед уходом Мэйвис признался, что видел Анну живой на старом вокзале через два дня после записи. Она попросила его не вмешиваться, потому что боялась за Елену. Он хранил билет на поезд до Лондона и короткую записку: «Я не исчезла. Я вышла из истории, которую они написали за меня».

Глава 6. Последний поезд

Билет на поезд купили за наличные. Камера на платформе зафиксировала женщину в светлом шарфе, но лицо скрывал капюшон. Она несла небольшую сумку и не разговаривала с другими пассажирами. На промежуточной станции женщина вышла, купила кофе и вернулась в вагон. Дальше след обрывался на станции, где в тот день ремонтировали систему видеонаблюдения.

Проверка банковских операций не дала результата. У Анны не было новых счетов, паспорт не использовался, медицинские записи отсутствовали. Она могла жить под другим именем, покинуть страну или погибнуть позднее. Ни одна версия не получила достаточного подтверждения.

Кин встретилась с Еленой и показала ей копию билета.

— Значит, она уехала, — сказала Елена.

— Мы знаем, что билет купили. Не знаем наверняка, кто им воспользовался.

Елена закрыла глаза. Впервые за четыре года она позволила себе заплакать не от ужаса, а от облегчения, которое не решалось стать надеждой.

Эдварду Кроу предъявили обвинения в фальсификации документов и препятствовании правосудию. Мэйвис признал вину в изменении протоколов. Никто не был обвинён в убийстве Анны.

В феврале 2024 года Сара Кин получила письмо без обратного адреса. Внутри лежала фотография пустой скамейки у моря. На обороте было написано: «Я помню, что произошло. Но память не всегда принадлежит тому, кто её хранит».

Почерк мог принадлежать Анне, но эксперт не смог дать однозначного заключения. Кин зарегистрировала снимок как дополнительный материал и положила в отдельную папку. В отчёте она написала: «Происхождение фотографии не установлено. Связь с Анной Беловой не подтверждена. Оснований менять официальный статус дела нет».

Греймут продолжал жить под дождём. Склад номер шесть огородили строительным забором, а на месте насосной станции начали возводить апартаменты с окнами на море. Елена больше не отвечала журналистам. Иногда она получала открытки без подписи: на одной был зимний берег, на другой — пустая улица, на третьей — окно поезда. Она не знала, отправляла ли их Анна, но перестала выбрасывать.

Сара Кин ушла на пенсию. В последний день она задержалась у полки с незавершёнными делами. Дело № 17/04 стояло между двумя папками о пропавших рыбаках.

Тишина не означала пустоты. Она означала лишь, что никто не говорит. А то, что не сказано, не обязательно исчезает. Иногда оно просто ждёт, пока кто-нибудь снова откроет коробку.

Конец.

Глава 7. Человек, которого не было

Сара Кин начала с имени, которое в материалах дела встречалось всего дважды и оба раза выглядело так, будто его случайно занесло в чужую историю. Мартин Вейл. В первой записи он значился на старой квитанции из мастерской; во второй — в черновике допроса, не подписанном ни следователем, ни свидетелем. В окончательном отчёте фамилия исчезла, словно кто-то стёр её ластиком, а затем аккуратно разгладил бумагу ладонью.

В архиве хранились списки работников закрытых предприятий, налоговые ведомости и телефонные справочники. Сара перебирала их до тех пор, пока за окнами не потемнело. Вейл не значился ни в одном списке. Но рядом с мастерской, где была выписана квитанция, когда-то находилась компания «Северный холод» — подрядчик, обслуживавший складские помещения у старой пристани. В её ведомостях обнаружилась подпись, похожая на подпись в квитанции: наклонная буква М, длинный хвост у последней буквы и точка, поставленная слишком далеко от строки.

Сара попросила архивиста проверить регистрационные карточки фирмы. Тот вернулся через двадцать минут с пустыми руками и неловкой улыбкой. Карточки за нужный год были на месте, однако одна из них была вырезана из папки. Не потеряна, не испорчена водой — аккуратно вырезана ножом. На следующей карточке остался тонкий след клея, а в переплёте застряла синяя бумажная пыль.

— Кто имел доступ? — спросила Сара. — В те годы? Почти все, — ответил архивист. — Дело было открытым. Следователи, канцелярия, иногда адвокаты. Архив тогда считался комнатой, а не системой.

Она записала его слова и впервые подумала, что исчезновение Анны могло быть не единственным исчезновением в этом деле. Возможно, исчезали не только люди. Исчезали строки, номера, целые куски прошлого — и всякий раз оставалось достаточно бумаги, чтобы отсутствие выглядело случайностью.

Глава 8. Показания Елены

Елена Белова пришла на повторный опрос в сером пальто, которое Сара уже видела на фотографиях из материалов дела. Женщина не стала снимать его, хотя в кабинете было тепло. Она положила на стол сумку, но оставила ладонь на ручке, будто могла в любую минуту подняться и уйти.

— Вы сказали, что не помните человека у бетонной лестницы, — начала Сара. — Но в старом протоколе есть фраза: «Он снова пришёл». Кто это написал?

Елена смотрела на лист несколько секунд. Потом ответила, что фраза принадлежала их матери. В детстве сёстры слышали её из-за закрытой двери кухни. Мать говорила тихо, почти без интонации, и каждый раз после этого запирала заднюю дверь на два замка. Елена тогда решила, что речь о бывшем муже матери, человеке, который ушёл из семьи задолго до рождения Анны. Но мать не произносила его имени. Она говорила только «он».

— Почему вы не рассказали об этом в 2019 году? — Потому что Анна попросила меня молчать. Она сказала, что если полиция узнает о фотографии, они начнут искать не того человека, а то, что он спрятал. Я не понимала, что это значит. И сейчас не уверена, что понимаю.

Елена рассказала о визите сестры за четыре дня до исчезновения. Анна принесла старую фотографию и попросила назвать место, где она была сделана. На снимке мать стояла у бетонной лестницы, а за её спиной виднелась дверь с табличкой. Елена помнила, что в детстве мать запрещала им ходить к пристани. Она говорила, что там опасно из-за воды и ржавого металла. Но в её голосе звучал не страх перед несчастным случаем.

— Вы ездили на склад номер шесть? — спросила Сара. Елена закрыла глаза. На этот раз она не стала отрицать. Она описала сырой двор, заколоченные окна и цепь на воротах. Ключ из конверта не подошёл к замку, зато открыл маленькую боковую дверь, скрытую за мусорным контейнером. Внутри было пусто, если не считать следов недавно передвинутого шкафа и прямоугольника чистого бетона на полу.

— Почему вы не вызвали полицию? — Потому что я услышала голос Анны. Елена сразу поправилась: голос был похож, но мог принадлежать любой женщине. Она слышала только одно слово — «позже». Потом что-то стукнуло, и звук исчез. Она ушла, не оглядываясь.

Глава 9. Склад номер шесть

Склад стоял на краю пристани, где город словно забывал о собственном существовании. За оградой лежали ржавые рельсы, заросшие травой, и обрывки канатов, которые ветер перекатывал по бетону. На старой карте участок был отмечен как холодильный терминал. В новом кадастре его обозначили пустырём, хотя фундамент и часть стен оставались на месте.

Сара приехала туда с криминалистом и двумя сотрудниками. Она не ожидала найти нетронутую сцену спустя четыре года, но хотела понять, почему склад так часто всплывал в показаниях. Внутри пахло мокрым цементом и морской солью. На стенах остались следы белой краски, а в углу — четыре отверстия от креплений, расположенные слишком ровно для случайной полки.

Криминалист заметил на полу тонкую борозду. Она шла от стены к центру помещения и обрывалась у прямоугольного участка, где бетон отличался по цвету. Новая заливка могла быть обычным ремонтом, но края были неровными, будто работу делали в спешке. В одном углу застряла чёрная пластиковая нить — не верёвка, скорее волокно от упаковочной стяжки.

За перегородкой нашли узкую лестницу, уходившую в подвал. Ступени были покрыты пылью, однако на третьей виднелась свежая царапина. Подвал оказался ниже уровня воды. Вдоль стены шли старые трубы, одна из которых была заменена относительно недавно. На трубе сохранилась наклейка подрядчика — «Северный холод».

В дальнем углу лежал металлический ящик без крышки. Внутри обнаружились обрывки ткани, два ржавых винта и клочок бумаги, слипшийся от сырости. Бумага распалась при первом прикосновении, но на прозрачной плёнке удалось различить фрагмент печатного текста: «… передать до закрытия смены». Ни имени, ни даты не осталось.

В официальном отчёте о первоначальном осмотре склада не упоминалось ни о подвале, ни о трубах, ни о металлическом ящике. Документ был составлен на следующий день после исчезновения Анны, хотя журнал выезда показывал, что группа прибыла на место только через пять дней. Сара приказала запросить оригиналы всех фотографий. Она уже знала, что копии в деле не совпадали с тем, что они увидели сейчас.

Глава 10. Запись без звука

В городской больнице хранился старый сервер наблюдения, который никто не включал с тех пор, как систему заменили цифровой. На бумаге архив должен был быть уничтожен через два года. Но техник, отвечавший за списание, оставил резервную копию на отдельном диске, потому что не доверял новому оборудованию.

На записи от 17 октября 2019 года был виден боковой вход больницы. В 21:26 к двери подошёл мужчина в тёмном пальто. Лица камера не различала: объектив был направлен чуть выше головы, а стекло отражало фонарь. Мужчина не вошёл сразу. Он стоял под козырьком, смотрел на улицу, затем достал что-то из внутреннего кармана и приложил к считывателю. Дверь открылась.

Через три минуты из здания вышла женщина. Её лицо тоже скрывал капюшон, но походка напомнила Саре походку Анны на видеозаписи из магазина. Женщина остановилась у бордюра и посмотрела назад. Мужчина остался внутри. Камера не записывала звук, поэтому никто не мог понять, произнесла ли она что-нибудь перед тем, как уйти.

Сара проверила журнал доступа. Карта, открывшая дверь, принадлежала сотруднику технической службы, уволенному за два месяца до исчезновения Анны. В журнале значилось, что карта была возвращена. В ведомости возврата отсутствовала подпись принимающего сотрудника.

Эксперт предупредил, что определить личность женщины по походке нельзя. Сара согласилась: это была зацепка, не доказательство. Но временная отметка совпадала с пропущенным звонком в телефоне Анны и с записью о посещении больницы, которую кто-то удалил из электронной системы. В бумажном журнале на нужной странице остался след от скрепки и выцветший отпечаток прямоугольной печати.

В тот вечер Сара впервые допустила, что Анна могла покинуть дом сама, но не обязательно по собственной воле. Между этими двумя версиями лежала пропасть. Человек может открыть дверь, сесть в машину и уйти по улице — и всё равно не быть свободным.

Глава 11. Слова на полях

Почерк на полях старого протокола был почти незаметен. Сначала Сара приняла его за следы копировальной бумаги, но под косым светом проступили короткие фразы: «не тот вход», «сначала фотография», «не оставлять у сестры». Они были написаны карандашом, а затем стёрты. Ластик оставил серые катышки между волокнами листа.

Судебный эксперт сравнил записи с образцами почерка трёх сотрудников, работавших над делом. Ни один вариант не совпал достаточно уверенно. Зато эксперт обнаружил, что листы протокола были скреплены повторно: первоначальные отверстия находились на два миллиметра левее нынешних. Кто-то извлекал страницы и собирал документ заново.

Сара позвонила Питеру Шоу. Он долго молчал, когда она описала найденные фразы. Потом сказал, что помнит серую папку, которую старший сержант Мэйвис держал отдельно от материалов дела. Папка не имела номера. В неё складывали «рабочие заметки», которые, по словам Мэйвиса, не должны были попасть в официальный архив до проверки.

— Вы видели, что было внутри? — Только верхний лист. Там была фотография лестницы. Мэйвис сказал, что она не относится к делу. Я спросил, почему тогда её держат у себя. Он ответил, что иногда вещи нужно сохранить, чтобы потом доказать, что их не было.

Шоу произнёс эту фразу так, словно много лет носил её в себе и не решался проверить, насколько нелепо она звучит вслух. Сара не стала спрашивать, почему он молчал. Ей было важнее понять, где находилась папка. Шоу предположил, что после выхода Мэйвиса на пенсию документы могли остаться в его доме или попасть в частное хранилище.

Когда разговор закончился, Сара ещё раз посмотрела на протокол. На последней странице была пустая строка для подписи. Под ней, почти сливаясь с печатным текстом, проступали два слова: «не закрывать». В журнале дело значилось закрытым через сорок три дня после исчезновения Анны. Подпись начальника отдела была настоящей. Распоряжение о закрытии — тоже. И всё же кто-то оставил на бумаге указание, которому никто не последовал.

Глава 12. Мэйвис

Сержант Мэйвис жил в доме на северной окраине, где окна выходили на канал, а на крыльце всегда стояла одна и та же пара резиновых сапог. Он открыл дверь не сразу. Сначала за матовым стеклом мелькнула тень, затем щёлкнул замок, и Сара увидела старика в аккуратно застёгнутой рубашке. Он не выглядел удивлённым, когда услышал фамилию Анны Беловой.

— Я ждал, что кто-нибудь придёт, — сказал он. — Просто думал, что раньше.

Мэйвис не отрицал существование серой папки. Он утверждал, что получил её от сотрудника городской администрации вместе с другими материалами по закрытому холодильному терминалу. В папке находились фотографии, копии пропусков и список ночных смен. Он не включил их в дело, потому что считал документы относящимися к отдельному расследованию о незаконном использовании складов.

— Почему вы не сообщили об этом следователю? — Потому что мне сказали, что расследование уже ведётся на другом уровне. Тогда я был младшим сержантом. Я решил, что не понимаю всей картины. Это было удобно. Человек всегда может назвать страх уважением к процедуре.

Он признался, что однажды видел Анну. Не в день исчезновения, а за несколько недель до него. Она приходила в участок и спрашивала о старом пожаре на пристани. Дежурный направил её к Мэйвису, но тот отказался принимать заявление без конкретных доказательств. Анна оставила конверт на столе и сказала: «Если со мной что-то случится, не ищите меня там, где вам покажут».

Мэйвис отдал Саре ключ от небольшого металлического шкафа, который хранился у него в гараже. Внутри оказались две папки, кассета диктофона и список из семи фамилий. Одну фамилию Сара узнала сразу: Эдвард Кроу, бывший начальник службы безопасности терминала. Другая принадлежала человеку, который в 2019 году подписывал распоряжения о списании архивных материалов.

— Я не знаю, что случилось с Анной, — сказал Мэйвис, когда Сара уже стояла в дверях. — Но я знаю, что мы перестали искать её раньше, чем получили право перестать.

Глава 13. Эдвард Кроу

Эдвард Кроу согласился на встречу в кафе возле автовокзала. Он выбрал стол у окна, заказал чёрный кофе и положил телефон экраном вниз. Внешне он был обычным пожилым мужчиной, который привык к тому, что люди уступают ему место и не задают лишних вопросов. В его биографии не было судимостей. После закрытия терминала он работал консультантом по безопасности, а затем вышел на пенсию.

Сара показала ему фотографию бетонной лестницы. Кроу взглянул на неё слишком быстро, чтобы это выглядело случайностью, и тут же попросил убрать снимок. Он сказал, что лестница находилась у старого подземного перехода, который использовали сотрудники терминала. После пожара проход официально засыпали, но часть помещений оставалась доступной через технический коридор.

— Вы знали Анну Белову? — Нет. — Тогда почему вы помните, что она приходила к терминалу? Кроу посмотрел на Сару. Он объяснил, что видел много людей и не мог помнить всех. Потом добавил, что молодая женщина однажды спрашивала о старых пропусках и пыталась выяснить, кто имел доступ к подвалу в октябре 2019 года.

— Вы только что сказали, что не знали её. — Не знать человека и не видеть его — разные вещи.

Эта фраза могла быть просто уловкой. Но Сара записала её дословно. Кроу утверждал, что после пожара все записи о ночных сменах передали подрядчику, а затем уничтожили по стандартному сроку хранения. Однако список из шкафа Мэйвиса содержал семь фамилий и даты дежурств. Среди них была фамилия человека, который официально находился в отпуске в ночь исчезновения Анны.

Кроу отказался объяснять несоответствие. Он сказал, что без оригиналов нельзя доверять копиям. Сара ответила, что оригиналы она уже ищет. Тогда он впервые посмотрел на неё внимательно.

— Вы думаете, что ищете преступника, — произнёс он. — Но в таких делах преступление редко начинается с одного человека. Сначала кто-то делает маленькое исключение. Потом другой человек решает не задавать вопрос. Через год уже никто не помнит, где было первое исключение, а все остальные называют это порядком.

Он ушёл, не допив кофе. На блюдце остался след от чашки и маленькая капля, похожая на тёмную точку в конце предложения.

Глава 14. Кассета

Кассета была подписана только датой: 16.10.2019. На корпусе не было имени, номера дела или пометки о месте записи. Старый диктофон Мэйвиса ещё работал, но звук шёл с шипением, а первые двадцать секунд оказались испорчены. Сара прослушала запись дважды, прежде чем различила голоса.

Первый принадлежал женщине. Она говорила спокойно, будто диктовала адрес: «Я не прошу вас поверить мне. Я прошу проверить список». Мужской голос ответил, что список уже проверяли. Женщина сказала, что проверяли копию. Затем раздался стук, будто кто-то поставил на стол тяжёлый предмет.

— Там есть ещё одна фамилия, — сказала женщина. — Её вычеркнули до того, как список попал к вам. Мужчина спросил, откуда она знает. Женщина ответила: «Потому что я сама видела оригинал». После этого запись обрывалась на семь секунд. Когда звук вернулся, голос мужчины стал тише: «Если вы правы, вам нельзя оставаться здесь». Женщина спросила: «А если я уже не могу уйти?»

Голос не был достаточно чистым, чтобы уверенно опознать Анну. Сара отправила запись на экспертизу, но понимала, что акустический анализ не даст чудесного ответа. На кассете не было признания, угрозы или прямого указания на преступление. Был разговор двух людей, каждый из которых знал больше, чем хотел сказать.

На последней минуте слышались шаги и скрип двери. Затем мужской голос произнёс имя: «Мартин». Это могло быть обращение к собеседнику или имя человека, о котором говорили. После имени кто-то сказал: «Не через главный вход». И запись закончилась.

Сара сделала копии и отправила одну Елене. Та ответила спустя час: «Это не голос Анны. Но она говорила точно так же, когда уже всё решила». Сара записала фразу в рабочий журнал и отметила, что запись сделана за сутки до исчезновения. Возможно, Анна готовилась уйти. Возможно, она пыталась предупредить кого-то. Между этими версиями по-прежнему не было доказательства, которое можно было бы положить на стол и назвать правдой.

Глава 15. Список семи

Список из металлического шкафа выглядел буднично: семь фамилий, должности, номера пропусков, даты ночных смен. На полях карандашом были проставлены маленькие кресты. Пять фамилий относились к сотрудникам терминала, шестая — к подрядчику, седьмая — к человеку из муниципального отдела недвижимости. Кресты стояли напротив трёх фамилий. Рядом с одной из них было написано: «не подтверждать».

Сара попросила аналитика проверить всех семерых. Двое умерли, один переехал за границу, трое отказались отвечать на вопросы. Седьмой, бывший техник по холодильным системам, жил в доме престарелых на юге города. В 2019 году он был записан как находившийся в отпуске, но карточка доступа показывала, что его пропуск использовали в ночь исчезновения Анны.

Техник, которого звали Томас Грей, говорил медленно и часто терял нить разговора. Он помнил пожар, запах расплавленной изоляции и то, как начальство велело не заходить в подвал без сопровождения. Анну он вспомнил не по имени, а по красному шарфу. Она стояла у автомата с напитками и спрашивала, где находится лестница к старому переходу.

— Я сказал ей, что лестницы нет, — произнёс Грей. — Так нам велели говорить. — Кто велел? Он назвал фамилию Кроу, затем замолчал. Сара показала ему список. Старик коснулся пальцем собственной фамилии и спросил, почему рядом нет креста. Она ответила, что не знает. Он улыбнулся без радости: «Потому что я сделал то, что просили. Я ничего не видел. Это и было моей работой».

Перед уходом он попросил Сару записать одно уточнение: в ночь исчезновения пропуск использовали не у главного входа, а у технической двери со стороны канала. Датчик там давно не работал, и отметка в журнале могла быть внесена вручную. Он не знал, кто держал карту. Он знал только, что дверь открылась, а утром в журнале появилась чужая подпись.

На обратном пути Сара думала о том, как легко человеческое молчание превращается в часть инфраструктуры. Сначала это всего лишь дверь, которую не записали. Потом пропуск, который никто не проверил. Потом имя, которое не попало в отчёт. Через четыре года всё это выглядит как набор несвязанных ошибок. Но ошибки складываются в маршрут, если кто-то достаточно долго идёт по их следам.

Примечание к расширенной редакции

Эта версия расширяет сюжет расследования и добавляет новые сцены, показания и документальные материалы. Персонажи, организации, документы и события вымышлены. Перед публикацией рекомендуется отдельная литературная редактура, проверка непротиворечивости хронологии и финальная вёрстка с контролем фактического числа страниц.

Глава 16. Письмо без адреса

Конверт нашёлся не в архиве, а в книге, которую Елена хранила после смерти матери. Это был старый атлас побережья, исписанный карандашом и помеченный датами приливов. Между страницами лежало письмо без адреса и подписи. Бумага пожелтела по краям, но чернила сохранились. Елена принесла его Саре в прозрачном файле и сразу сказала, что не знает, кто его написал.

«Если ты читаешь это, значит, они снова начали спрашивать о лестнице. Не отвечай на вопросы так, как они их задают. У них есть карта, но нет мест, которые были стёрты. У них есть список, но нет фамилии, которую убрали первой. Не ищи человека по имени. Ищи его по тому, что он оставил после себя».

Письмо не содержало прямых угроз. Оно было похоже на инструкцию, составленную человеком, который боялся, что его поймут слишком буквально. На последней строке стояли три цифры: 04—17—06. Сара сначала приняла их за дату, но затем заметила, что номера складов на старой карте записывались в обратном порядке: сектор, ряд, помещение. В таком случае цифры могли указывать на четвёртый сектор, семнадцатый ряд и шестое помещение.

На карте терминала такой разметки не было. Зато она обнаружилась на плане пожарной эвакуации, приложенном к страховому делу. План считался устаревшим и не был внесён в городской реестр. В шестом помещении четвёртого сектора находилась техническая камера, которую позже обозначили как забетонированную.

Елена долго смотрела на письмо, пока Сара объясняла возможную расшифровку. Потом спросила, может ли письмо быть от матери. Почерк не совпадал с её письмами, но некоторые буквы были похожи на подписи в семейных документах. Сара не стала давать надежду: совпадение нескольких букв ничего не доказывало.

— Я всё время думала, что Анна оставила мне ключ, — сказала Елена. — А может быть, она оставила мне вопрос. Ключ был только способом заставить меня его открыть. Впервые за всё время Елена позволила себе заплакать. Когда слёзы закончились, она спросила, что будет, если в шестом помещении ничего нет. Сара ответила, что тогда они узнают ещё одну вещь, которой раньше не знали. Это был не утешительный ответ. Но, возможно, честный.

Глава 17. Четвёртый сектор

Вход в четвёртый сектор находился за стеной старого холодильного корпуса. После пожара его закрыли металлической панелью и занесли в документы как техническую нишу. На панели сохранились четыре отверстия от болтов; два были заменены новыми. Это означало, что кто-то открывал проход значительно позже официального закрытия терминала.

Сара добилась разрешения на обследование и приехала туда с криминалистами. За панелью обнаружился узкий коридор, где воздух был холоднее, чем снаружи. На полу сохранились следы колёс. Они шли к шестому помещению и обрывались у стены, на которой свежая краска отличалась от старой лишь при боковом освещении.

За стеной не было комнаты в обычном смысле. Там находилась камера хранения с низким потолком, металлическими полками и трубой, уходившей в землю. На полке стояла пластиковая коробка. Внутри лежали несколько пропусков, фотоплёнка в защитном футляре и маленький диктофон. Никаких останков, одежды или вещей, которые можно было бы уверенно связать с Анной, не обнаружили.

На одном пропуске было имя Мартин Вейл. Фотография отсутствовала, а пластик был обожжён по краю. Второй пропуск принадлежал Эдварду Кроу. Его номер отличался от номера в официальной ведомости всего одной цифрой. Третий был без имени. На обратной стороне кто-то процарапал слово «вниз».

Фотоплёнка оказалась частично испорченной. На нескольких кадрах виднелась бетонная лестница, на других — женщина в красном шарфе, стоящая у двери. Лица различить было нельзя, но на последнем кадре женщина смотрела прямо в объектив. Сара почувствовала странное раздражение: снимок выглядел не как случайная фотография, а как предупреждение тому, кто найдёт плёнку.

Диктофон не включился. Эксперт забрал его в лабораторию. Сара приказала опечатать камеру хранения и не сообщать о находке шире необходимого круга сотрудников. Она уже знала, как быстро сведения могли исчезнуть, если о них узнавали раньше времени.

На выходе Елена остановилась у металлической панели и провела пальцами по краю. Она сказала, что в детстве мать иногда исчезала на несколько часов, а возвращалась с запахом соли и машинного масла на пальто. Тогда Елена думала, что мать работает сверхурочно. Теперь она не была уверена даже в том, где проходила граница между домом и тайной.

Глава 18. Чужая память

Экспертиза установила, что пропуска изготовили в разное время, но использовали одну и ту же заготовку. Это не доказывало существования тайной системы доступа: подрядчики часто заказывали одинаковые карточки. Однако номер Кроу действительно отличался от официального, и в старом журнале значились оба номера. Один был активирован, другой списан. Оба проходили через техническую дверь в октябре 2019 года.

Диктофон удалось восстановить частично. На записи звучал шум вентиляции и несколько голосов, слишком далёких для уверенного распознавания. В середине записи слышалось: «Пусть думают, что она ушла сама». После паузы другой голос отвечал: «А если она вернётся?» Первый голос говорил: «Тогда у неё не будет доказательств».

Эксперт предупредил, что запись могла быть склеена из разных фрагментов. Сара не позволила себе назвать её признанием. Она составила список вопросов: кто говорил, где записали звук, почему диктофон оказался в камере хранения и кто имел возможность оставить его там. В материалах дела каждый вопрос превращался в ещё один адрес, ещё одну дверь, ещё один документ, который мог оказаться пустым.

Питер Шоу попросил встретиться без официального протокола. Он сказал, что вспомнил ночь, когда дело закрывали. Мэйвис принёс ему бумаги и велел переписать итоговый рапорт. Шоу заметил, что в тексте появилась формулировка о добровольном уходе, хотя ни одного подтверждения этому не было. Он спросил, кто принял решение. Мэйвис ответил: «Люди, которых ты не увидишь в этом кабинете».

— Почему вы не сказали это раньше? — спросила Сара. — Потому что я хотел верить, что он просто прикрывает начальство. Если бы я признал, что он боится кого-то конкретного, пришлось бы спросить себя, чего боюсь я.

Шоу передал ей старый блокнот. В нём были даты, номера машин и короткие пометки. На одной странице значилось: «17/10 — вход со стороны канала. В 21:40 свет в подвале». Рядом стоял вопросительный знак. Шоу объяснил, что записал это после разговора с дежурным, который видел свет в здании уже после официального закрытия смены.

Сара поблагодарила его, но не обещала, что признание защитит его от последствий. Он кивнул. Впервые за всё время он не пытался объяснить своё молчание. Возможно, это и было началом ответственности: не в том, чтобы найти подходящее оправдание, а в том, чтобы перестать его искать.

Глава 19. Два имени

В старых регистрационных записях Мартин Вейл появлялся под двумя вариантами фамилии. Один был связан с мастерской, другой — с временным жильём возле пристани. Разница казалась небольшой: одна буква, переставленная в середине слова. Но под каждым именем существовала отдельная история — налоговый номер, договор аренды, медицинская карта, подпись в ведомости. Если это был один человек, кто-то тщательно создавал видимость двух разных людей. Если два — один из них исчез из документов задолго до исчезновения Анны.

Сара нашла женщину, которая в 2019 году сдавала комнату человеку по имени Вейл. Она жила в доме престарелых и помнила жильца как тихого мужчину, который никогда не открывал окна и выносил мусор поздно ночью. Она не знала его работы, но помнила, что по четвергам к нему приходила женщина с красным шарфом. Однажды хозяйка спросила, кто она. Мужчина ответил: «Сестра». Женщина была уверена, что он говорил о сестре, а не о знакомой.

На фотографии из камеры хранения женщина стояла спиной. На другом кадре её рука лежала на дверной ручке, и на запястье виднелся тонкий шрам. У Анны был такой шрам — результат пореза стеклом в подростковом возрасте. Но Сара не могла исключить, что совпадение случайно или что фотография снята в другое время.

Елена призналась, что у Анны действительно был знакомый, которого она называла братом, хотя родного брата у них не было. Она никогда не видела его лица. Анна говорила, что он помогал матери после пожара и что однажды объяснит всё сама. Елена считала это странной метафорой, способом описать человека, которому доверяют больше, чем семье.

— Возможно, Мартин Вейл был не его настоящим именем, — сказала Сара. — Возможно, — ответила Елена. — Но Анна всегда говорила, что имена нужны живым. Мёртвым они не помогают.

Вечером Сара получила сообщение с неизвестного номера: «Вы ищете двух людей, а должны искать одну дверь». Вложений не было. Номер оказался одноразовым и больше не использовался. Она не ответила. Вместо этого положила телефон в пакет для вещественных доказательств и попросила проверить время отправки. Сообщение пришло через три минуты после того, как она открыла дело о старой аренде Вейла. Кто-то следил не за расследованием вообще, а за конкретным движением внутри него.

Глава 20. Дом на канале

Дом на канале стоял между закрытой прачечной и пустующим магазином рыболовных принадлежностей. На фасаде сохранилась вывеска, выцветшая настолько, что название можно было прочесть только в сумерках. Хозяйка комнаты умерла, а дом перешёл к племяннику, который разрешил полиции осмотреть чердак и подвал. Он хотел продать здание и не понимал, почему спустя годы кто-то снова интересуется старым жильцом.

В комнате Вейла давно сделали ремонт. Новые обои скрывали следы прежней мебели, но под плинтусом эксперт обнаружил тонкую полоску бумаги. На ней сохранились цифры и часть слова: «…17/04…». Сара почувствовала, как знакомый номер дела перестал быть просто номером. Он повторялся в местах, которые официально никак не были связаны друг с другом.

На чердаке нашли коробку из-под обуви. Внутри лежали пустые конверты, старые ключи и детский рисунок: два дома, между ними чёрная линия, а над линией — круг, похожий на солнце или глаз. На обороте детской рукой было написано: «Если дверь закрыта, считай ступени». Возраст бумаги совпадал с концом девяностых годов.

Елена узнала рисунок. Она помнила, как Анна рисовала такие дома после смерти матери, но не помнила, чтобы они когда-либо жили в этом районе. На вопрос Сары она ответила, что детская память иногда удерживает не место, а ощущение: запах коридора, скрип ступени, тень за дверью. Возможно, рисунок был сделан по рассказу матери. Возможно, Анна действительно бывала здесь.

В подвале нашли старый план технических коммуникаций. На нём были отмечены лестница и проход, которых не существовало на современных схемах. Проход соединял дом на канале с территорией бывшего терминала. Его закрыли после пожара, но на чертеже стояла пометка о второй двери, выходившей к воде.

Сара попросила инженера проверить, мог ли проход сохраниться. Тот ответил, что часть старых коммуникаций могла остаться под землёй, но без раскопок это невозможно подтвердить. Для официального разрешения требовалось доказать, что план относится именно к этому зданию. Сара приложила фотографию из камеры хранения, показания хозяйки и запись о пропусках. На этот раз она не позволила делу утонуть в формулировке «недостаточно оснований».

Глава 21. Вода под бетоном

Раскопки начались в начале марта, после нескольких недель согласований. Рабочие сняли часть бетонного пола в подсобном помещении дома на канале и обнаружили кирпичную арку. За ней проход действительно уходил в сторону терминала. Он был частично затоплен, а стены покрыты белым налётом. Вода стояла по щиколотку, но ниже пол уходил в темноту.

На расстоянии нескольких метров от входа нашли металлическую скобу, закреплённую в стене. На ней сохранились волокна ткани. Эксперт не мог определить, кому они принадлежали, но подтвердил, что ткань была синтетической и могла попасть туда в течение последних десяти-пятнадцати лет. На кирпиче рядом кто-то процарапал три короткие линии и одну длинную.

Сара спустилась только до первого поворота. Дальше требовалась специальная группа. Она направила фонарь на воду и увидела на поверхности тонкую масляную плёнку. В старых отчётах упоминалось, что после пожара в подвале хранили технические жидкости. Если проход использовали после закрытия терминала, запах и следы могли объясняться обычной эксплуатацией. Но кто тогда поддерживал систему? И зачем скрывать её существование?

В конце прохода группа обнаружила решётку, за которой находилась небольшая камера. Внутри лежал обломок пластиковой карты и кусок красной ткани. Цвет выцвел почти до бурого. На ткани сохранился край шва, похожий на ремонт, который Елена когда-то делала на шарфе Анны. Она узнала стежки, но эксперт не позволил ей касаться находки. Её узнавание было важным для семьи, но недостаточным для лаборатории.

ДНК-анализ не дал однозначного результата: образец был загрязнён водой и следами нескольких людей. На пластике сохранилась часть номера, совпадавшая с одним из старых пропусков. Не с пропуском Анны — в базе такого номера не было. Он принадлежал карточке без имени из камеры хранения.

Сара стояла над столом в лаборатории и смотрела на красную ткань за стеклом. Ей хотелось, чтобы находка означала одно: Анна была здесь. Но расследование не имело права подменять доказательства желанием. Ткань могла принадлежать ей, а могла оказаться чужой вещью, которую десятилетиями переносили из помещения в помещение.

Елена спросила, когда можно будет узнать правду. Сара ответила, что правда не всегда приходит целиком и не всегда в тот день, когда её ждут. Елена сказала, что устала жить в промежутке между «могла быть» и «не была». Сара не нашла слов, которые не звучали бы пусто. Она лишь пообещала не закрывать дело на основании удобной версии.

Глава 22. Последний допрос

Эдвард Кроу пришёл сам. Он не позвонил заранее и не попросил адвоката присутствовать на первой беседе. На стол он положил старый пропуск и сложенный вчетверо лист. Пропуск был тем самым, чей номер отличался от официального на одну цифру. Лист содержал список ночных дежурств, переписанный от руки. Напротив даты 17 октября стояли три фамилии, а одна была зачёркнута так сильно, что бумага прорвалась.

Кроу заявил, что не похищал Анну и не знает, где она находится. Он подтвердил, что участвовал в закрытии некоторых технических помещений после пожара и что в отдельных комнатах хранили имущество, не отражённое в обычных ведомостях. Его слова пока не подтверждались независимыми документами. Там не было ничего мистического: контрабандные запчасти, документы, списанные приборы. Но среди них оказались материалы о пожаре, который официально признали несчастным случаем, хотя некоторые записи указывали на умышленный поджог.

По словам Кроу, Анна нашла копии записей и стала задавать вопросы. Он утверждал, что пытался отговорить её от дальнейших поисков, однако не представил подтверждений ни самой угрозы, ни обстоятельств их последней встречи. Он не хотел, чтобы дело о пожаре подняли снова: в нём были замешаны люди, которые давно умерли, и люди, которые до сих пор занимали должности. Он думал, что если заставить Анну уйти, всё закончится. Он не учёл, что она могла исчезнуть не из-за его угроз, а из-за другого человека, который тоже боялся её вопросов.

— Кто этот человек? — спросила Сара. Кроу посмотрел на лист. Он назвал имя, которое не встречалось в открытых материалах дела. Человек работал в городской администрации и имел право утверждать списание архивов. По документам он умер в 2021 году. Но Кроу утверждал, что видел его после этой даты — не лично, а на фотографии, сделанной у терминала. Фотография была в папке, которую забрал Джонатан Рид.

— Вы хотите, чтобы я поверила, что мёртвый человек ходит по пристани? — спросила Сара. — Я хочу, чтобы вы проверили, кто подписал свидетельство о смерти.

Впервые за долгое время появился вопрос, который можно было проверить по независимым источникам. Сара запросила оригинал свидетельства и записи медицинского учреждения. Кроу не просил защиты. Он сказал лишь, что слишком поздно решил говорить и не рассчитывает на прощение. Сара ответила, что прощение не входит в её полномочия. Её задача — установить, что произошло. Всё остальное будет решать кто-то другой.

Глава 23. Свидетельство

Копия свидетельства о смерти внешне не содержала очевидных нарушений оформления. Подписи совпадали с образцами, печать была настоящей, дата внесена в реестр. Однако в доступном комплекте не оказалось заключения судебно-медицинской экспертизы: согласно документам, смерть наступила за пределами страны, а личность установили по паспорту и медицинской истории. Проверить полноту исходного комплекта пока не удалось. В архиве сохранилась копия заявления родственника, однако адрес заявителя был указан не полностью.

Сара нашла родственника по старому адресу. Мужчина сказал, что не видел умершего много лет и не участвовал в оформлении документов. Он подписывал бумаги, но не помнил, что именно. Его память была ненадёжной, а подпись — слишком уверенной для человека, который не понимал содержания документа. Сара не стала обвинять его. Она попросила вспомнить, кто принёс бумаги. Он назвал женщину в тёмном пальто, которая представилась сотрудницей юридической службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.